

СВЕТЛАНА ПЕРВАЯ

ШЁПОТ ЧУДЕС
СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

Светлана Первая

Шёпот чудес

(сборник рассказов)

<https://litres.ru/74393787>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом сборнике коротких историй есть мягкая фантастика, уютная мистика и славянское фэнтези. Каждый рассказ в нем – точно маленький мир, в который можно ненадолго заглянуть под чашку кофе или чая, завернувшись в уютный плед.

Здесь живут ведьмы, чьи заклинания рождаются из любви и печали. Здесь неунывающие маги вечно ошибаются в расчетах и попадают впросак, здесь встречаются призраки и опасные иномирцы, умные драконы и упрямые рыцари... А главное – здесь в укромных уголках мироздания случаются нужные и добрые чудеса, которые способны согреть усталое сердце. Настоящее волшебство прячется в мелочах - в добром слове, в улыбке, в крепком пожатии руки. И магия есть в каждом дне - в луче света сквозь тучи, в удачных совпадениях... В самом чуде жизни.

Позвольте себе ненадолго отвлечься от суеты: откройте сборник, выберите любой рассказ – и пусть маленькое чудо станет частью вашего дня.

Содержание

Чудо рядом с нами (мистика и фантастика)	4
Вторая жизнь	4
Тропинка до сердца	14
Золотой хоботок, серебряные крылышки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Первая

Шёпот чудес

(сборник рассказов)

Чудо рядом с нами
(мистика и фантастика)

Вторая жизнь

Звонкий стук ложки в Татьянином чае заставил ее поморщиться и особенно аккуратно размешивать сахар. Медленное, задумчивое колыхание коньячного цвета настоя – свежесваренного и, как ей больше всего нравилось, едва доли того кипятком – не шло ни в какое сравнение с тем бурным водоворотом, который устроила в своей чашке подруга. Хотя, нет, не подруга... Скорее, хорошая знакомая, коллега по работе.

Вечер только начинался.

– Лен, ты не понимаешь, что ли? Ты ж сохнешь по нему! Сохнешь самым натуральным образом!... Почти год как сомнамбула ходишь. Похудела, круги черные под глазами, не

ешь толком... Вечно в столовке салатик там или котлетку – и все. И дома в холодильнике мышь повесилась, – взгляд выпуклых глаз с некоторым сожалением мазнул по белой эмали. – На одном чае сидишь да на валерьянке с корвалолом. Можно подумать, валерьянка тебе поможет...

Пухлые губы шумно втянули горячий настой.

– И что только в нем нашла? Не красавчик, чтоб за ним хвостом бегать, так – обычный простачок-работяга, ничего особенного. И живет в старой двушке у черта на рогах, до работы по два часа добирается. Ни машины, ни денег – только грошовая зарплата. У нас иные ее только для виду и берут: левые заработки надо же чем-то прикрывать. А этот... Нет, подруга, ты меня извини, но давно пора за ум браться. На тебя тут как-то заглядывался один из этих, – голос упал до пронзительного шепота, – замов. Вот бы и...

Татьяна многозначительно умолкла, еще сильнее вытаращив глаза. Елене примерещилось в них кривое отражение лощеного «мажора», любимчика гендиректора, его циничных улыбочек и толстого кошелька. А позади папа виднеется, который, собственно, и устроил сыночка на хлебное место...

– Смотри-ка! Она и ухом не ведет!.. – возмутилась «благовестница». – Нет, правильно я девчонкам сказала – нечего всей толпой идти, лучше сама сначала. Теперь вот точно вижу, совсем дело дрянь. Влипла ты, Лен. Любовь зла, полюбишь... А вот кого и любишь, в общем.

Пустая чашка звонко стукнула по столу.

– Налей-ка чаю еще, если уж ничего другого нет, и будем думать, что делать...

Я пришла к нему прошлой зимой, когда февраль был в переулках злым норд-остом и ронял первые капли с высоких карнизов. В тот раз я не стала мерзнуть у подъезда, а зашла на темной лестничной площадке, дожидая его с работы. А потом нахально проскользнула мимо ног в открытую дверь. По-хозяйски прошествовала на кухню и свернулась рыжим клубочком у теплой батареи, глядя на него желтыми глазами.

«...Повстречает свирепой пантеры наводящие ужас зрачки». Не знаю, может, на мышей они и наводили ужас, но тот, кого я выбрала, увидел в них совсем другое. И не смог. Не смог выгнать тощую уличную кошку обратно на мороз.

– Пушистая, ты б хоть поздоровалась, прежде чем в квартиру врываться. – Голос у него густой, глубокий, век бы такой слушала: – Нам ведь теперь жить вместе, так что повеселиться надо...

Я облегченно прижмурилась – понял. Не уйду я сама, а выставит – опять вернусь.

– Чем кормиться-то будем? У меня китикетов не водится. И молоко вчера последнее извел... Может, яичницей обойдемся?

После холодного бетона лестницы мягкий жар батареи

убаюкивал. И только кончик хвоста слегка шевельнулся: «А хоть бы и яичницу...»

– ...что думала? Ты ведь только на работе и видишься с ним. Нет бы инициативу проявить, в кино пригласить или в театр там... Ну, сама не хочешь, давай мы с девчонками займемся! И фильм как раз подходящий на выходных будет. Только тогда компанией идти придется, свободно не пофлиртуешь...

Забытый чай остывал, а новоявленная сводня вдохновенно изобретала пути к счастью коллеги.

– Или вот еще. У Надьки, помнишь, муж гулял, а потом – как отрезало? Мы еще удивлялись... Так она его приворожила! Самым натуральным образом!.. К старушке одной сходила, та пошептала чего-то над фотографией, побрызгала водичкой и Надюхе масло дала вонючее, ну, это... ароматическое. И теперь благоверный налево – ни ногой!.. Может, и тебе, – гостя доверительно нависла над столом, – приворот там навести или еще чего? Я и адрес уже вызнала...

Цепкие пальцы ухватили чашку, но, остывший, настой потерял всякий вкус. Татьяна скривилась. Хозяйка молча взяла чай, выплеснула в раковину и налила свежий. Вечер длился, и ветер шуршал за окном опавшими листьями...

– Нет, Тань, не стану я ерундой всякой заниматься, к шарлатанам бегать, привораживать... Если судьба – сам придет.

– Как знаешь... – В голосе мелькнула обида: – Не для себя

ж стараюсь, в конце концов. Смотри, так и будет он за этой мымрой из бухгалтерии ухлестывать. Каждый день вместе на работу, вместе с работы... И в обед-то их врозь никто не видал!

Чашка возмущенно скользнула по столу, роняя на него светло-коричневые кляксы. Елена потянулась за полотенцем, едва качая головой.

– Да нет у него никого...

...так и называл меня потом – Пушистая. А я млела – от голоса его, от тепла рук, когда он – изредка – гладил рыжую шкурку, чесал за ухом. Нечасто это случалось. И правильно. Есть кошки – и кошки.

Иногда приходили к нему – черненькая или светленькая. Давно. Ночевать оставались...

Так я отвадила: то легкий шарфик шелковый когтями изорву, то сапожки итальянские помечу... Крику было, слезы в три ручья!.. Но он и пальцем меня не тронул. А потом красавицы эти и дорожку к его дому забыли. Ничего, смирился, большие никого не водил. И сам – только на работу и домой. Ко мне. Хорошо ему со мной. И мне – с ним.

*У нас как бывает? Если найдешь **своего** человека, потом ни с кем счастливой не будешь. И ему тоже без тебя не жить, пустышками все иные покажутся. Вот и ходим по свету, ищем... Кто и за морями не находит. А мне повезло...*

Ветер злится, в стекло палыми листьями бьется, фор-

точку распахнул... Но мне тепло. Я с работы хозяина ждущу. Уже скоро, уже от остановки идет. Вот-вот стукнет две...

...И шерсть дыбом встала! В форточку, скорее!.. Третий этаж (я сорвалась однажды, так едва отходили) – и пусть! Одно дело упасть, другое – прыгнуть. Да удачно, на все четыре лапы...

А теперь – дворами, дворами, дворами... Успеть бы только!

Иногда кошки видят дальше людей. На самую капельку – то, что должно вот-вот случиться. Видят – и ничего не могут сделать.

Но не в этот раз.

...Рука, что тянулась за полотенцем, замерла...

На повороте когти проскрежетали по асфальту... Успела! Вон он, стоит в дальнем конце проулка, а рядом – тусклая тень... Я рванулась еще быстрее.

Лапы ныли, но пока слушались. Только бы не подвели... Вот уже рука серого чуть изогнулась для удара снизу, блеснул нож и...

«Но молчи! Несравненное право: самому выбирать свою смерть».

Метнулась рыжей молнией – и в правом боку будто огненный шар взорвался... Но мимо!.. Мимо хозяина! Отвела...

И – ревом над улицей:

– Пушистая!..

Ага! Теперь постоишь за себя!.. И за меня тоже. И все хорошо буд...

– ...чего, Лен? Эй! Очухивайся давай!..

Чужие жесткие руки мотали голову из стороны в сторону, пытаясь привести меня в чувство. Пришлось разлепить глаза... И сразу их зажмурить – мир плыл и двоился, одновременно цветной и почти черно-белый. Я осторожно пошевелила руками, перекатилась на бок, заново привыкая к забытой уже цельности и баюкая призрак боли.

– Ну, слава Богу! Очнулась!.. – Татьяна явно не улыбалась канитель с вызовом скорой. – Сидела-сидела, бледная как смерть, и вдруг – бряк! – в обморок. Ты меня так больше не пугай!

«Не буду. И вообще – надо бы тебя спровадить поскорее».

– Ну, вот и щеки порозовели... Давай-ка садись.

«Ага, я и поправилась сразу на пару-тройку килограммов, только тебе об этом знать совсем не обязательно...» Тело слушалось плохо, поэтому пришлось воспользоваться предложенной помощью.

– Сейчас корвалольчику накапаю...

– Не надо... – хрипло попросила я. – Лучше валерьянки. С чаем.

– Валерьянки так валерьянки, – Татьяна засуетилась у

шкафчика с лекарствами. – Посмотри, до чего себя довела, а? Нет, так дальше нельзя!

Конечно, нельзя. Я теперь кошку только через месяц *выпустить* смогу... И не объяснишь ведь, откуда живая-здоровая явилась. Разве решит, что отползла куда, отлежалась... Тела-то он не нашел.

Надо будет завтра подойти, наверно, посочувствовать... Скажу, от Марины из бухгалтерии узнала – от нее он таиться не будет, сестра все-таки, хоть и двоюродная...

Я осторожно отпила крепкий чай из поставленной перед мной чашки. Татьяна, наконец, перестала мельтешить по кухне и уселась напротив.

– А ты, Лен, подумай все ж насчет приворота – средство надежное и, главное, быстрое. К тому же – только не обижайся, – говорят, у тебя бабка ведьма. Может, ее попросишь? – Она прищурилась. – Да ты и сама не так проста, как кажешься: травки всякие, баночки, скляночки в шкафчике. И все без этикеток...

Ишь ты, сколько всего высмотреть успела!

– А лапок мышиных ты там не видела? Лучшее средство для любовного зелья!.. – усмехнулась я. – Аллергия у меня, вот и заказываю лекарства у частного фармацевта. А бабка-то – да, колдунья первостатейная, потомственная, угу.

«Ох, бабуля! Прибьешь ведь: меньше чем за год вторая жизнь коту под хвост! Сначала в январе, пока ждала его у подъезда, замерзла насмерть, а теперь поножовщина эта...»

– А вообще, Тань, слушай больше. Наши-то девочки городские всех, кто в деревне живет, могут в ведьмы записать. Еще бы!.. Телефона нет, Интернета нет, туалет на улице и за почтой в райцентр ездить приходится – как есть нечистая сила!..

Вечер кончался. Под окнами бродила осень, постукивала ветками в стекло. Пахло дождем.

Я закрыла форточку:

– Поздно уже. Давай-ка расходиться. Только без обид, ладно? Лечь хочу пораньше. Завтра на работу все-таки, а тут обморок этот... Да нет, не волнуйся, нормально все, сама справлюсь. А тебя дома ждут.

Татьяна поджала губы, но возражать не стала, пошла одеваться. Она, конечно, на ночевку рассчитывала... Ничего, перетерпит. И без того сплетней набрала – три дня разносить будет и то останется. Да Бог с ней... Мне-то что теперь делать?

Я провожала – выпроваживала – гостью, а сама размышляла.

Так все хорошо было!.. И волки сыты, и овцы целы. А сейчас опять решать надо, как дальше быть. Разве что...

«Пра-авильно, – мурлыкнула кошка. – Давно пора».

И свернулась калачиком на самом доньшике души. Отлеживаться.

Тропинка до сердца

– Мы летим! Слышишь? Летим! – хозяйка подхватила чёрно-белую кошку на руки и закружила по квартире, утопавшей в мартовском солнце. Таська терпеть такого не могла: шкурка мнётся, лапы некрасиво болтаются в воздухе... И вообще – кошки любят чувствовать твёрдую землю всеми подушечками! Лететь... Фу! Но за Сашу порадовалась: та столько сделала, чтобы попасть в первую экспедицию к Марсу. Бесконечные тренировки, комиссии, предполётная подготовка... Три года хозяйка дома почти не бывала. Но Таська не обижалась, знала: полёт к звёздам – то, без чего жизнь для Сашки станет бессмысленной.

– Мя! – Таська фыркнула и тряхнула ушами, когда её опять прижали к груди. Под лапами в бешеном ритме билось Сашкино сердце.

– Летим!

Зима в деревне страшно скучна. Таська зевнула и спрыгнула с подоконника, чтобы потереться тёплым боком о женские ноги: вечереет же, пора ужинать.

– Тоскуешь, милая? – сухая ладонь погладила кошкину голову. – Мне тоже что-то не по себе. Глупости всякие снятся, волнуюсь за дочку... Ничего. Скоро наша Сашенька вернётся... Они ведь уже обратно летят, знаешь? Пойдём, на-

кормлю тебя.

Сашина мама встала и, выключив свет, прошла на кухню. Кошка помедлила, заглядевшись в окно: небо успело почернеть, на нём проступили яркие дорожки звёзд. Где-то там, между ними – хозяйка, она думает о Таське и смотрит в сторону дома... Смутное беспокойство заставило дёрнуть хвостом. Раз. Другой.

– Таська! – из кухни послышался дробный стук вкусных шариков, падавших в миску. – Тась-тась-тась!..

Кошка сделала пару шагов к двери и снова остановилась. Беспокойство не отпускало. Она метнулась к окну и вспрыгнула на подоконник... Звёзды замигали тревожно и зло, и от них пришёл стылый, невозможный на этой Земле холод. Таську накрыло ужасом: Сашка!.. туда, скорее к ней!.. Кошка прыгнула и, ударившись носом о приоткрытую форточку, зацепилась когтями. Бешено работая задними лапами, подтянулась, протиснулась в щель и выскочила на улицу.

Снег оказался глубоким и рыхлым, он сыпался в уши и забивал нос, когда она неслась по сугробам, но на дороге стало легче, и Таська прибавила скорости. Чёрные кусты вдоль обочин сливались с темнотой, а снег под лапами искрился в свете фонарей. Кошка бежала всё быстрее, почти летела в морозной тьме... Холодные голубые искры становились крупнее и ярче, превращаясь в тропинку меж звёзд, бегущую по краю черноты, влекущую туда, где всё медленнее билось Сашкино сердце... Вот оно! Таська прыгнула, чувствуя, как

рвутся мышцы, и всеми четырьмя лапами толкнула хозяйку в грудь, запуская ритм. И вцепилась когтями, прижалась накрепко, делясь таким нужным Сашке теплом... Теплом и жизнью.

Утром Сашина мама обыскала всю деревню, прошла по всем улицам, а потом – далеко в поле, и там углядела цепочку кошачьих следов.

– Боже ж мой!.. Жива! Что за дурная кошка, – причитала мама, заворачивая Таську в шаль, – куда тебя понесло!.. Лапы обморозила, а уши... Отвалятся же! Что Сашка скажет, когда вернется?..

Таська едва приоткрыла глаза. Небо было далеким и белым, и больше не несло стылого холода.

Золотой хоботок, серебряные крылышки

Тишина, которая опускается на детский сад вечером, когда за последним ребенком закрывается калитка, – тишина странная и очень печальная. Она сродни одиночеству, которое настигает нас иногда в самой гуще жизни, неся мудрость и озарение.

Александр или, как его называла детсадовская малышня, дядь Саша поежился – весна в этом году запаздывала с теплом, и в сторожке вечерами было холодно. Он отложил инструменты и встал, чтобы включить обогреватель, а заодно и поставить чайник на огонь. Скоро Маргарита Ивановна занесет ключи, может, и чайку останется выпить... Повезло садику с заведующей, с теплом думал Саша, хорошая женщина, добрая, никогда зря не ругается. А когда и ругается, то ни голоса не повысит, ни обидит ни за что ни про что. Не то что Галина Сергеевна...

В окно торопливо постучали, и Александр вздрогнул от неожиданности. В весенних сумерках, опасливо оглядываясь и держась ближе к стене, стоял Михаил Терентьевич и знаками показывал, что в гости пришел не с пустыми руками. Саша вздохнул и пошел открывать дверь – не прогонять же старика.

– Терентьич, ты с ума сошел: мне ж еще начальство ключи занести должно. А ты? Не мог, что ль, попозже придти?

– Да я у тебя тут за шкафом посижу. Ивановна и не узнает, ежели ты ей не скажешь, – старый токарь хитро прищурился.
– Да и то сказать, разве не может мастер навестить бывшего ученика?

– Может. – Саша стоически кивнул. – Конечно, может.

– То-то и оно.

И, довольный, Терентьич, прихватив пару стаканов, отправился в отгороженный шкафом закуток. А Саша выключил чайник, накинул пальто и пошел перехватывать Маргариту Ивановну с ключами. Вечер обещал быть долгим и совсем не таким, каким виделся поначалу...

– Нет, вот ты мне скажи, тебе здесь, что, медом намазано? – выпив, старик становился упрямым и склонным к поучениям. – Тебя Валентин Андреич сколько раз на завод звал? Сразу ведущим мастером предлагал, зарплату хорошую... Всяко больше, чем тут караульщиком. А ты?.. Сидишь сиднем в своей сторожке, игрушечками заводными балуешься...

Саша глянул в угол, где лежали инструменты и недоделанный самокат, и вздохнул:

– Не то это, Терентьич. не игрушки. Это меня Маришка из третьей группы попросила, у сына сломался... Игрушек я давно не делал.

– А не все ли равно, – старик махнул рукой. – Вместо того чтоб делом заняться...

– А это не дело? – тихо возразил Саша. – Детям радость подарить – не дело?

– Эх! Что ты понимаешь... – Терентьич затосковал. – Вот ушел я с завода – пусть по вине своей ушел, по слабости – раньше, чем надо. Да ведь и другие старики уйдут скоро. А кто работать-то будет? Несмышленыши нынешние? Которые не знают, с какой стороны к станку подойти? Нету нам смены... А ты – радость... какая уж тут радость...

Он замолчал и залпом осушил стакан, налил новый. Саша печально смотрел в свою кружку с остывшим чаем.

– Знаешь, Терентьич... Вот ты говоришь, игрушки, баловство. А я такую штуку хочу сделать, чтоб она не только детей радовала, а вообще – всех. Особенно тех, кто злой, или печальный, или скучный...

Бывший мастер недоверчиво уставился на Александра поверх стакана и спросил:

– Ты не шутишь, что ль? – Тот помотал головой, и Терентьич удрученно протянул: – Да-а-а... И зачем только я на тебя время тратил...

– Нет, Терентьич, честно! Недолго уже осталось. Вот сделаю – и пойду на завод работать. А сейчас – нет, не могу. Работе ж, чтоб она хорошей была, всю душу отдавать надо, а мне так нельзя сейчас... Мне для другого надо...

Старик ласково потрепал Сашу по плечу:

– Эх, дурень ты, дурень... Ладно. Давай хоть одну со мной за компанию – да пойду я...

Утро следующего дня выдалось беспокойным.

– Нет, Маргарита Ивановна, вы только подумайте!.. – этот сварливый голос Саша узнал бы из тысячи. – Только подумайте! А если б ее нашла не я, а дети?!

Александр понял, что его ждет очередной разнос от бухгалтерши, обреченно отложил бритву и вышел навстречу. Солнце на миг ослепило его, и две женщины как будто возникли из воздуха прямо рядом с ним.

– Успокойтесь, Галя. Я уверена, все можно решить, если поговорить спокойно и без крика. Ведь правда же, Александр? – взгляд заведующей обратился на него.

– Конечно, Маргарита Ивановна, – ответил Саша, заворочено следя за солнечными бликами на ее седых волосах.

– Тогда пусть он ответит, – выскочила вперед низенькая черноволосая женщина, воинственно потрясая пустой бутылкой, – как могло ЭТО попасть на территорию детского сада?! Это же ДЕТСКИЙ сад! Здесь же ДЕТИ!

Саша понуро склонил голову:

– Извините, Галина Сергеевна, я не знаю. Может, через забор забросили... Извините.

– Да за такое штрафовать надо! – продолжала бушевать бухгалтер. – Вы же сторож, вы должны следить, чтоб на территорию детского сада не заходили и не ЗАБРАСЫВАЛИ

ничего постороннего и опасного!..

– Галина, успокойтесь, – заведующая мягко оттерла ее в сторону и обратилась к Саше. – Александр, давайте сделаем так: вы будете в последний раз обходить территорию не в пять утра, как было раньше, а перед тем, как в сад начнут приводить детей, и проверять, нет ли на территории посторонних предметов. Договорились?

– Хорошо, Маргарита Ивановна.

– Ну вот и славно. Видите, Галина, все разрешилось...

Та возмущенно фыркнула и зашагала обратно, второпях чуть не сбив молодого человека, идущего к сторожке. Усмехнувшись, он уступил дорогу разъяренной даме и, подойдя к оставшимся, заметил:

– Галина Сергеевна опять рвет и мечет. Дядь Саш, и чем вы ее так злите?

Тот огорченно пожал плечами:

– Сам не знаю...

– Витя, – Маргарита Ивановна тревожно смотрела на сына, – что-то случилось? Почему ты еще не в институте?

Парень улыбнулся:

– Ничего не случилось, мам. Просто зашел по дороге и принес тебе ключи, которые ты оставила дома – вот, держи, – чтобы ты могла после работы попасть в квартиру, потому что я сегодня останусь ночевать у Мишки – мы с ним работу по органике сделать должны.

– По органике? – недоуменно подняла брови заведующая.

– По органической химии, – разъяснил Виктор. – Все, мам, я убежал. Пока, дядь Саш!

Саша улыбнулся и прощально махнул рукой, а мать озабоченно нахмурила брови, глядя вслед сыну:

– Надеюсь, это действительно Мишка, а не какая-нибудь Маришка... Ну, пойду и я. Александр, вы не обижайтесь на Галю – такой уж характер. Да и жизнь несладкая: детей нет, с мужем жизнь не сложилась... Впрочем, вы и сами знаете. И права она часто, хоть и неприветлива к людям.

– Да, я понимаю. Я прослежу, чтоб больше бутылки и прочее не валялись в садике.

– Вот и хорошо, – заведующая улыбнулась.

– Маргарита Ивановна, разрешите попросить: если Марина из третьей группы работает сегодня, передайте ей, что самокот готов, забирать можно. – Саша улыбнулся. – Только пусть сынишка ее катается осторожней: второй поломки машинка не переживет.

Женщина покачала головой:

– И не устали вы возиться со всей этой механикой... Может, мне предупредить и воспитателей, и родителей, чтоб не таскали вам больше ничего на починку?

– Да нет, Маргарита Ивановна, мне несложно. Пускай носят...

– Хороший вы человек, Саша, – она ласково сжала ему руку. – Очень хороший. Берегите себя.

Выходные всегда были для Александра временем напряженной работы, а нынешние особенно. Но в этот раз понедельничной усталости и упадка сил он совсем не ощущал, напротив – он чувствовал вдохновение и знал, что близок к цели.

Александр поправил шапку и нажал на кнопку звонка.

– Дядь Саша? – открывший дверь Виктор удивился. – Разве мама не в садике?

– А я не к ней, Вить. К тебе.

– Ну, проходите, если так...

Саша старательно пошаркал ногами о коврик и зашел в квартиру, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Раздевайтесь и давайте на кухню – я как раз чай пить собирался.

День выдался солнечным, поэтому окно в кухне, выходящей на южную сторону, прикрывали тонкие светлые занавески, чуть приглушая слепящие послеполуденные лучи.

– Вы зеленый пьете?

Саша кивнул. Виктор разлил по чашкам жасминовый чай и сел напротив:

– Вы о чем-то поговорить хотели, дядь Саш?

Александр смущенно поскреб русую щетину на подбородке:

– Понимаешь, Вить, мне твоя помощь нужна. Ты ж на химика учишься, да? – Парень кивнул. – Ну, вот. Значит, знаешь, наверное, и о химии людского, хм... организма. И вот

ты мне скажи – что такое людей радоваться заставляет?

Мужчина вопросительно взглянул на Витю.

– Ну... – озадаченно протянул тот. – Это вам не ко мне, наверное, надо, а к психологу, это по его части.

Саша торопливо глотнул чая.

– Нет, Вить, ведь должно же быть какое-нибудь это... вещество, которое людей счастливыми и довольными делает.

– Дядь Саш, – насторожился Виктор, – вы ж не за наркотой ко мне пришли, правда?

– Упаси меня Бог!.. Что ты!

– Ну, я тогда не знаю...

Александр огорченно сгорбился за столом, по привычке уткнувшись взглядом в чашку.

– Дядь Саш, а зачем оно вам, вещество это? – поинтересовался парнишка.

– Да я, Вить, одну штуку хотел сделать... Навроде блохи. Помнишь, был такой Левша, что сумел блоху заводную сделать – такую же маленькую, как настоящая – да еще и подковать... В школе, наверное, и вы учили о нем. Ну и я хотел так же. Только не просто заводную игрушку, а чтоб она людей лучше делала, веселее... Ну, вроде как куснет тебя, вещество особое тебе впрыснет – а ты от этого лучше становишься, радостнее. Вот... чтоб незряшная, в общем, игрушка была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.